

**«ФИЛИППИНСКИЙ ОТВЕТ» на ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ
ПОЛИТИКУ США (1900-1946 гг.)**

Успехи американской образовательной политики на Филиппинах отличались противоречивостью и однозначной оценке поддаются с трудом. Уверенно можно сказать только то, что результаты этой политики надолго закрепились в стране и по сей день продолжают оказывать влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь филиппинского населения.

Лучший способ подчинить колонизированное население – завоевать его умы. Американцы прекрасно понимали, что военная победа не является залогом успешного строительства мирной жизни на Филиппинах, необходимой для достижения экономических целей. Образование стало частью политики «умиротворения», и как механизм социального контроля и политического ликбеза оно выполнило возложенные на него функции. Уже довольно много известно о том, что представляла собой проамериканская система образования на Филиппинах и какие цели преследовали новые колониальные власти. Однако остается открытым вопрос, как сами филиппинцы относились к нововведениям и как предпочитали использовать открывающиеся перед ними возможности.

Послевоенная точка зрения периода независимости однозначна. Ренато Константино (1919–1999 гг.), ведущий филиппинский историк, чьи работы оказали огромное влияние на современное поколение националистов, высказывался следующим образом. В американских образовательных реформах он видел попытку ликвидировать испанское наследие и размыть поднимающийся национализм среди филиппинцев. Образование, несомненно, выступало в качестве инструмента колониального завоевания и средства умиротворения местного населения. Американцы придавали важное значение работе в сфере образования. В этом смысле очень показателен тот факт, что из всех правительственных департаментов только Бюро образования не подверглось филиппинизации и вплоть до 1935 г. его возглавлял не филиппинский, а американский чиновник. К этому моменту уже было воспитано новое поколение филиппино-американцев и необходимость контроля этой сферы отпала¹.

Были, конечно, и плюсы в предлагаемой американцами системе образования. Как минимум, это рост грамотности и знакомство с внешним миром (прежде всего американским) благодаря распространению английского языка. Но, как сетовал Ренато Константино, к сожалению, для филиппинцев, успехи американской политики в области образования закрепились навсегда. «В обмен на английский язык филиппинцы продали свою душу», – с горечью писал Константино. Истории о Джордже Вашингтоне и Аврааме Линкольне заставили филиппинцев забыть собственный национализм. Американская точка зрения превратила большинство филиппинских национальных героев в разбойников. Та же сдача филиппинских революционеров – членов Катипунана американским колониальным властям преподносилась как успешная реализация американской программы ассимиляции и пример широкого признания американской культуры. Как бы то ни было, несмотря на благородные цели, провозглашенные американцами, филиппинцы все еще оставались завоеванной нацией и образование получали соответствующее, как колониально зависимые.

Основой любого колониализма является контроль за экономической жизнью страны. Филиппины не стали исключением. Свобода торговли, объявленная американцами, преподносилась как дар, проявление американского альтруизма. Образовательная политика должна была поддержать подобные воззрения и смягчить эффект медленного затягивания удавки на шее филиппинского экономического национализма. Из свободной торговли извлекали выгоду только те, кто раньше имел связи с иностранным капиталом, а именно компрадорские слои манильской буржуазии. Таким образом, с самого начала американская политика создавала предпосылки для поддержки США бюрократическими и компрадорскими слоями и для постепенного завоевания симпатий более широких слоев помещиков и буржуазии². Более того, большинство политических лидеров, представляющих класс помещиков и богатеющих за счет экспорта урожая, стали зависеть от американского рынка и поэтому стали бояться экономических трудностей, которые возникли бы при обретении независимости. Отсюда были примеры, когда лидеры, выставлявшие себя сторонниками независимости, на самом деле втайне просили американских чиновников повременить с предоставлением свободы, делая выбор в пользу более широкой автономии. Будучи бенефициарами экономической зависимости, им было сложно объяснить населению экономические реалии. Поэтому

стремление к независимости оставалось больше политической, чем экономической целью, в отличие от других колониальных случаев³.

Что касается основной массы населения, то ее предстояло убедить в том, что Филиппины – страна исключительно сельскохозяйственная. Американские учебники пестрели изображениями крестьянина и *карабао*, а также идиллическими картинками сельской жизни, которые закрепляли образ Филиппин как сельскохозяйственной страны. Здесь же берутся истоки и профессионального образования, которое широко пропагандировалось американскими колониальными чиновниками. Такие уловки должны были вызвать полную апатию к идеям индустриализации у филиппинцев, которых, помимо всего прочего, убеждали еще и в том, что это плохо и вредно для экологии. Американцы пытались обходить стороной бедность, болезни, суеверия, невежество, скуку, процветающих в деревнях, отсталость фермеров. Деревня изображалась местом для отдыха, но на деле она была таковой только для богатой верхушки. Экономические проблемы деревни мало кого интересовали, поэтому эта тема оставалась закрытой для обсуждения. Таким образом, американцы фактически стали закладывать основы модели потребления. Их дешевые промышленные товары заполнили филиппинский рынок в обмен на ценное сырье и сельскохозяйственную продукцию. Такая модель прочно укоренилась в умах филиппинских либералов и стала нормой для архипелага. Американцы не собирались воспитывать из своих подопечных конкурентов, поэтому всячески убеждали, что индустриализация – не их путь. Аграрный характер экономики, напротив, говорили они, обусловлен географическим положением страны и внутренним потенциалом самих филиппинцев. Такой образ мышления внедрялся на протяжении полувека. Показательно, что филиппинцы свысока смотрели даже на японскую продукцию, хотя Япония производила свои товары наравне с Западом. Филиппинцы до последнего не могли поверить, что азиатская страна может выступать на равных в экономическом плане с США и европейскими державами.

Таким образом, Соединенным Штатам удалось подавить еще не созревший экономический национализм на Филиппинах. Этой стране было суждено превратиться в отсталую аграрную банановую республику. Единственным источником национализма, который мог еще представлять определенную угрозу американским интересам, оставалась школа, поэтому было важно полностью пересмот-

реть образовательную политику, доставшуюся в наследство от испанского колониального режима.

Хосе Рисаль, известный своей прозорливостью, был недалек от истины, говоря устами одного из своих персонажей о пагубном влиянии колониального образования. И хотя его слова относились конкретно к испанцам, они не потеряли свою актуальность при американцах. *«Вы просите уравниения в правах, испанизации своих обычаев и не понимаете, что то, чего вы просите, – это смерть, это гибель вашей национальной самобытности, уничтожение вашей родины, освящение тирании! Чем вы станете? Народом без национального характера, нацией без свободы; все у вас будет взятое взаймы, даже пороки. Вы просите испанизации и не краснеете от стыда, когда вам отказывают! Но если бы вы и получили ее, что это вам даст? Что вы приобретете? Чего достигнете вы, ничтожная кучка тех, кто будет говорить по-испански? Вы утратите свою самобытность, подчините ваше мышление чуждому строю мыслей – не свободу вы получите, а станете подлинными рабами! Девять из десяти среди вас, кичащихся образованностью, – предатели своей родины. Научившись говорить по-испански, вы начинаете презирать свой родной язык, перестаете писать на нем, понимать его. А сколько встречал я филиппинцев, которые притворяются, будто и вовсе ни одного слова не знают из своего языка!»⁴.*

Рисаль подтверждает мысль Константино о том, что внедрение иноземного, в данном случае английского языка, является попыткой заставить филиппинцев предать забвению свое прошлое. И хотя для простого американца идея обучения английскому языку жителей колонии казалась абсурдной, колониальная администрация отнюдь не недооценивала ее. Американцы преподносили язык как инструмент демократии, который должен был уменьшить пропасть между иллюстрадос и простым народом. Иллюстрадос должны были стать проводниками американского образа жизни, но вышло наоборот. В результате возникла узкая прослойка населения, владеющая английским языком, чуть больше было тех, кто умел читать и писать. Остальные изъяснялись на каких угодно языках, но только не на английском. Верхушка изолировалась от своего народа и потеряла связь с ним. Непонимание низов верхами усугубилось. Английский язык только расширил пропасть между монополизаторами власти и основной массой населения, что пошло вразрез с планами американцев по демократизации.

В рамках политики филиппинизации американцы вводили свободные выборы, местное самоуправление, национальную законодательную ассамблею. Но для участия в национальной жизни страны годились далеко не все филиппинцы. По мнению американцев, большинство было слишком невежественно, поэтому главными объектами просвещения и политического ликбеза была избрана местная элита, имеющая высокий имущественный статус и определенные знания. Но она составляла не более чем 10% от всего населения страны. Именно такой процент филиппинцев принял участие в формировании партий в 1907 г. Но элита не имела достаточно опыта и владела больше теоретическими, чем практическими навыками правления, которые приобрела еще при испанцах⁵. Американцы выступили в роли надзирателей, которые занимались политическим просвещением своих протеже. Однако, как вскоре обнаружилось, американские намерения в корне расходились с тем, как их воспринимала филиппинская верхушка. По выражению американского социолога Джулиана Го, усилиями элиты произошел «подрыв американского проекта, его трансформация и доместификация»⁶.

Местная элита – принсипалия не была пассивной и инертной, когда ей навязывали новый строй. Еще до прихода американцев у нее имелось свое видение будущего государственного устройства Республики.

Как подчеркивает Го, филиппинская элита не была гомогенной, но у нее было нечто общее, а именно, тот факт, что она занимала высшие посты в местной администрации еще до прихода американцев и имела привилегии. Изначально к ней причислялась только принсипалия – крупные земельные собственники, местная социальная верхушка. Она не являла собой строго экономический класс, но с помощью своих богатств инициировала обмен с местными родственниками, землевладельцами, арендаторами, торговцами и крестьянами.

После проведения образовательных реформ 1863 г. элита расширилась за счет появления просвещенной верхушки – иллюстрадос, не все из которых являлись выходцами из богатых местных династий. К ним причислялись землевладельцы, торговцы, специалисты различных профилей – врачи, юристы, журналисты. Но образовательных и экономических привилегий было недостаточно. Принсипалию и иллюстрадос объединяло стремление к большей самостоятельности и большей власти, поэтому единым

фронтом они стали выступать за политические реформы от испанского правительства.

Аполинарио Мабини, один из идеологов левого крыла революционных сил Филиппин, видел во главе будущей независимой Республики Филиппины представителей элиты как самой образованной и богатой фракции. Революция против Испании, по Мабини, была оправдана идеями о том, каким должно быть справедливое и моральное общество. Он полагал, что в основе общества должна лежать взаимопомощь, взаимный обмен, в том числе между верхами и низами. Важным он считал налаживание личных связей, чувство долга. Такие отношения для него как для филиппинца были естественны и заложены Богом. Тем примечательней эти воззрения, если вспомнить, что Мабини не был выходцем из богатой и власть имущей семьи и являлся чистым продуктом местных образовательных институтов. Мабини выступал за дальнейшую революционную борьбу, за парламентскую республику, за разделение властей, секуляризацию, свободу слова, бесплатное образование. Ко всему прочему, он был одним из немногих, кто предвидел угрозу, исходящую от американской помощи на первых этапах филиппинской революции, и предрекал новое противостояние⁷. Однако к нему не прислушались, и результат хорошо известен.

Часть филиппинской элиты пошла на сделку с новыми колонизаторами в обмен на заверения предоставить им политическую автономию и сохранить существующие привилегии. Но американцы не спешили приступать к выполнению своих обещаний. К 1905 г. филиппинцам предоставили самоуправление только на местном уровне, на общенациональном все посты сохранялись в руках американцев. Этот вопрос стал предметом обсуждения на публичных слушаниях в Маниле, приуроченных к приезду американского военного министра и конгрессменов, которые были готовы выслушать жалобы филиппинцев на США. На слушаниях выступил Висенте Илюстре, член комитета по защите интересов филиппинцев. Он обосновывал требование самоуправления тем, что есть правящий класс и народные массы, что само по себе создает условия к управлению этими массами. Другими словами, он хотел сказать, что есть те, кто знает, как управлять, и те, кто знает, как подчиняться. Но именно эта логика и пугала американцев, поэтому они не спешили предоставлять филиппинцам политическую самостоятельность. В таком случае, боялись они, страна превратится в тиранию аристократии над невежественными массами. Элита,

напротив, усматривала в этом баланс, равновесие между культурой правящего класса и населения, которые обеспечили бы социальную стабильность и справедливость, как хотел того Мабини. Предполагалось, что не будет столкновений между различными социальными классами, так как все они будут повязаны взаимозависимостью. Иллюстрадос хотели внушить народу, что они представители Бога на земле, значит, подчиняться им – следовать воле Божьей. Чтобы продемонстрировать массам, что аристократия вполне заслуженно занимает свои посты и является проводником воли божьей, представитель элиты Педро Патерно, выступивший в роли посредника между американскими и филиппинскими властями, в 1901 г. предложил членам филиппинской комиссии предоставлять знаки отличия служащим муниципалитетов, как это делалось при испанцах. То есть, их статус должен был подчеркиваться одеждой, шляпами, возможно, титулами и специальными формами обращения. Но американцы нашли это смешным. Более того, они решительно высказались против такого патриархального строя. Они как раз таки наоборот пытались разрушить царившие феодальные пережитки, чтобы ввести свои капиталистические порядки. Они не собирались оказывать поддержку старой элите, им достаточно было ее перевоспитать и взрастить новую.

Перевоспитание предполагалось начать осуществлять непосредственно на локальном уровне. Поэтому сначала филиппинцам предоставили полномочия на местах, где они занялись сбором налогов и администрированием. Так они приобретали опыт и навыки практического политического управления. Их назначали мэрами, губернаторами провинций. Им предоставляли административно-управленческие полномочия на уровне муниципалитетов и сельских округов. Но вдруг, неожиданно для американцев, произошел сбой. Как обнаружилось, те, кто стремился проявлять заботу о соотечественниках, оказались нечисты на руку. Они стали незаконно собирать налоги, часть присваивать себе. Местную полицию стали использовать в качестве частных армий. Разделенность территориальными барьерами привела к росту региональных противоречий, развитию межклановой борьбы⁸. Такой поворот поверг в шок американцев, так как это абсолютно не соответствовало их представлениям о либеральном демократическом правлении⁹. Они упустили из виду один очень примечательный факт – такое поведение у синципалии формировалось в течение веков и считалось нормой при испанцах. Оно успело превратиться в национальную отличитель-

ную черту филиппинцев, искоренить или хотя бы преодолеть которую, казалось, было невыполнимой задачей. Как отмечает Левтонова Ю.О., впоследствии это привело к тому, что разработанная американцами модель либеральной демократии для филиппинцев реализовалась после получения независимости как разновидность элитарной демократии олигархического типа, напрямую способствуя незримой консервации традиционных элементов в функции правящей элиты¹⁰.

Однако американцы не думали оставлять все как есть. Перевоспитанию элита старого образца поддавалась с трудом, но выход мог быть найден даже из такого, казалось бы, безнадежного положения. Школы, выступающие в роли агентов социальной мобильности, явно становились промежуточной ступенью в карьерной лестнице простого филиппинца, который в дальнейшем мог запросто составить конкуренцию старой олигархии.

Отсутствие интереса к открываемым школам у принсипалии, фиксируемое в отчетах Филиппинской комиссии, вполне можно объяснить нежеланием принсипалии лишиться своего избранного статуса. Подобная перспектива становилась все более реальной с распространением английского языка. Ведь он, помимо всего прочего, был призван уравнивать население в правах и предоставить всем филиппинцам равный доступ к образованию и карьерным вершинам. Испанский же, который дети иллюстрадос и принсипалии изучали до революции 1896–1898 гг. в частных школах и колледжах под руководством религиозных орденов, позволял им чувствовать свою исключительность. Вне всякого сомнения, для определенных кругов элиты решение американцев внедрять английский среди основной массы филиппинского населения выглядело непривлекательным¹¹. Поэтому в первые годы американского владычества иллюстрадос и принсипалия продолжали отдавать своих чад в частные заведения, где преподавание испанского еще некоторое время не прекращалось¹². Больше того, испанский оставался основным языком судопроизводства до 1930 г. и признавался в качестве одного из официальных языков, наравне с английским и филиппино, до 1971 г. В сфере образования испанский сохранил свои функции как язык, символизирующий связь с испанской культурой и филиппинской историей. Поэтому он являлся обязательной дисциплиной в системе высшего образования вплоть до 1988 г.¹³

Когда стало ясно, что английский язык на Филиппинах – всерьез и надолго, многие представители знатных семей ринулись его

осваивать, чтобы получить образование более высокого уровня и уехать на обучение в США, а по возвращении занять ответственные посты в правительстве и в частном секторе.

Но в противовес традиционным частным колледжам молодыми и амбициозными филиппинскими учителями при поддержке американцев стали открываться новые, проамериканские, где предлагалось начальное и среднее образование на английском языке. Не обладая большими ресурсами и престижем старых элитных колледжей, новые частные школы значительно им уступали и демонстрировали меньшую эффективность в преподавании. Однако ожидалось, что в будущем, по мере того как стандарты образования и квалификация частных филиппинских учителей будут расти, такие школы смогут сыграть превосходную роль в процветании местного населения¹⁴.

Помимо частных школ американцы также инициировали открытие государственного Университета Филиппин в 1907 г., который также расширял возможности для талантливых, но бедных филиппинских студентов. Кроме того, практика отправления филиппинских студентов на учебу в США показала себя слишком затратной, поэтому надо было создавать условия для обучения филиппинцев в пределах архипелага. Инженеров, врачей, предпринимателей стали обучать на месте и открывать соответствующие факультеты.

Университет Филиппин был далеко не единственным в Азии, однако американцы отмечали ту пользу, которую он принес не только Филиппинам, но азиатскому региону в целом. В нем ковались кадры не только для Филиппин, но и для всего Дальнего Востока. Наибольшей известностью за рубежом прославился колледж медицины и хирургии при Университете, что неудивительно, ведь для деятельности западного капитала нужно было создавать благоприятные санитарные условия. Колледж получил наивысшую оценку класса «А», будучи признанным американскими медицинскими учреждениями. Особым спросом пользовалось направление «сестринское дело», особенно у женской части населения. Вплоть до сегодняшнего дня филиппинки с медицинским образованием являются главной статьей экспорта рабочей силы за рубеж¹⁵.

В Университете Филиппин также проводились различные мероприятия регионального значения для привлечения иностранных студентов. В феврале 1913 г. была организована спортивная Даль-

невосточная Олимпиада, в которой принимали участие филиппинские, китайские и японские студенты.

Огромное количество заявок на обучение в Университет Филиппин поступало из Китая, несмотря на то, что в Китае на тот момент уже были свои университеты, к примеру, Гонконгский университет, где предлагали современное и качественное образование на английском языке. Но в отличие от них Университет Филиппин предоставлял исключительные возможности. На Филиппинах китайский студент избегал тех проблем, с которыми он мог столкнуться в собственной стране по политическим мотивам и, конечно, существенно сокращал расходы на обучение. Немалое значение для китайцев имела и географическая близость Филиппин. Не было необходимости ехать в Европу или США, чтобы получить качественное европейское образование. Американцы же достаточно благодушно приветствовали китайцев в Университете Филиппин, вполне допуская, что впоследствии они смогут сыграть ключевую роль в развитии нового Китая¹⁶. Памятуя о том, что США готовили себе плацдарм для проникновения в Китай, Университет Филиппин решал не только проблему взращивания нового поколения проамериканской элиты, но и был заточен под геостратегические задачи.

Что касается простых филиппинцев, то они с энтузиазмом восприняли открывающиеся перед ними возможности. Ложку дегтя добавляло лишь то, что продвижение по социальной лестнице для них, как уже отмечалось ранее, было связано с трудом физическим (издержки профессионального образования), в то время как под прежним испанским режимом образование было лишено этого досадного изъяна и рассматривалось исключительно как прямая дорога в верхи общества. Показательной была тенденция среди выпускников сельскохозяйственных и ремесленных колледжей оставлять те сферы деятельности, к работе в которых их готовили. Карьера синих воротничков мало кого прельщала. Об этом свидетельствуют данные, собранные комиссией Монро в 1925 г. Выпускники не горели желанием возвращаться в родные пенаты на рисовые поля, а стремились остаться в городах и вести городской образ жизни. Они были гораздо больше заинтересованы в использовании своих дипломов и сертификатов в качестве обходного пути на должности белых воротничков¹⁷. Но не всем филиппинцам могло повезти найти подходящее место для работы, соответствующее их идеалистическим представлениям. Количество рабочих мест, как и при испанцах, было все еще ограничено, хотя и значительно рас-

ширено. Социально-экономического успеха достигали только наиболее талантливые и усердные. Те же, кто не желал трудиться на полях и в мастерских, продолжали прозябать в городах, перебиваясь одноразовыми заработками и фактически возвращаясь в состояние былой неграмотности. Ожидания американцев не оправдались. Вместо того, чтобы идти работать на поля и становится зажиточными крестьянами, хозяевами своей жизни, филиппинцы предпочитали жить в городских трущобах в ожидании чуда. Такой подход, наверно, можно объяснить только менталитетом филиппинцев, который складывался на протяжении веков. Хорошо об этом написано у Рисаля в статье «О праздности филиппинцев», который объясняет такое поведение своих соотечественников издержками испанской политики. Галеонная торговля разорвала связи Филиппин с другими азиатскими и ближневосточными странами, приведя в упадок местное предпринимательство и мелкое промышленное производство. Привлечение филиппинцев к обязательным общественным работам отрывало их от собственных сельскохозяйственных и ремесленных работ. Высокие налоги, отторгавшие большую часть дохода населения в карманы чиновников и монахов, лишали его мотивации стремиться к большему и более продуктивному заработку¹⁸. Как и коррумпированность местных чиновников, праздность филиппинцев стала неистребимым наследием испанского колониального прошлого архипелага.

После того, как Образовательная комиссия Монро в 1925 г. подвела промежуточные итоги 25-летнего эксперимента по подготовке населения к самостоятельному правлению, все достижения в сфере образования были поставлены под сомнение, а дальнейшие реформы признаны необходимыми. И хотя доступных источников по периоду с 1925 по 1946 гг. не так много, тем не менее известно, что последующие десятилетия американского колониального господства стали временем реорганизации и переориентации филиппинского образования с акцентом на нужды архипелага, что было связано с подготовкой Филиппин к предоставлению автономии в 1935 г.¹⁹ Продолжался упор на распространение английского языка и продвижение профессионального образования. Однако образовательная система в новой трактовке должна была также соответствовать положениям филиппинской конституции и, соответственно, «повернуться лицом» к филиппинцу. Это нашло свое выражение в обсуждении выбора единого национального языка, который должен был быть закреплен в конституции. Был даже создан комитет по

национальному языку, но мнения его представителей расходились: одни предлагали провозгласить официальным языком английский, другие – английский и испанский, третьи – тагальский. Звучали предложения создать новый общенациональный язык на основе тагальского, который бы вобрал в себя все филиппинские языки²⁰. Делегаты так и не смогли прийти к единому мнению, и в результате в Конституции Филиппин 1935 г. в главе 14 было записано, что *«Конгресс должен предпринять шаги, направленные на развитие и принятие общего национального языка, основанного на одном из существующих языков страны. До этого официальными языками остаются английский и испанский»*. В 1936 г. был создан Институт национального языка (ИНЯ), главной задачей которого было изучение филиппинских языков с тем, чтобы разработать и принять единый национальный язык на основе одного из существующих местных языков. Для этого ИНЯ должен был провести сравнительное исследование основных филиппинских языков, выявить их общую лексику, общие фонетические и грамматические особенности и выбрать один из этих языков в качестве основы общенационального языка. Выбор стоял между тагальским и себуано (язык центральной части Филиппин – Висайских островов). В итоге 30 декабря 1937 г. президент Филиппин Мануэль Кесон провозгласил национальным языком Филиппин язык, основанный на тагальском. После этого были изданы словари и грамматика национального языка, и с 19 июня 1940 г. его начали преподавать в старшей школе и в педагогических училищах. Правда, далеко не все приветствовали это решение. Так, себуанцы не хотели признавать тагальский общенациональным языком и требовали замены его на себуано, на близкородственных диалектах которого говорило почти 40% населения, в то время как на тагальском всего 25% населения. Впоследствии манипуляции в подсчетах в пользу тагальского при принятии решения привели к десятилетиям сопротивления тагальскому на Висайских о-вах и на о. Минданао²¹. На сегодняшний день языковая проблема на Филиппинах не стоит столь остро, как в XX в. Выбор был сделан в пользу тагальского языка, на основе которого был создан единый национальный язык *филипино*, однако до сих пор споры относительно справедливости подобного выбора не утихают.

На языковом решении реформы в области образования не закончились. В 1940 г. число детей, желавших получить образование, увеличилось по сравнению с тем, которое власти могли обучить. С целью предоставления всем детям возможности получить образо-

вание Национальная ассамблея приняла в 1940 г. «Закон об образовании» (*Educational Act*), который сократил программу обучения в начальной школе с семи лет до шести и ввел так называемое обучение в две смены, когда учитель обучал один класс в 40 учеников утром и еще один класс в 40 учеников во второй половине дня. Это привело к снижению качества обучения, особенно среди бедных. И вскоре те филиппинцы, которые могли себе позволить финансовые расходы, стали отправлять своих детей в «школы получше», большинство из которых были частными, то есть негосударственными. Требования к поступающим в эти «эсклюзивные школы» представляли собой сочетание платежеспособности и успешного прохождения экзамена по английскому языку²². Таким образом, последние годы пребывания американцев на архипелаге ознаменовались деградацией образования, которое окончательно было разрушено японской оккупацией в 1941–1946 гг., когда японцы пытались избавиться местные школы от западного влияния и подверстать политику просвещения под концепцию азиатского процветания. Однако низкая посещаемость образовательных учреждений и уход филиппинцев в подпольное сопротивление не позволили новым захватчикам воплотить задуманное.

¹ Renato Constantino. *The Miseducation of the Filipino*. 1966// Michael Charleston B. Chua, *Greatworks readings*, DLSU-Manila. P.3-4

² Губер А.А. Филиппинская Республика 1898 года и американский империализм. Москва, 1961. С. 197

³ Leticia R. Constantino, *What Is Filipino Nationalism?* Source: *Issues Without Tears, A Layman's Manual Of Current Issues, Volume II* (1984)

⁴ Рисаль Х. Флибустьеры. М., Изд. «Художественная литература», 1963.

⁵ Julian Go. *Colonial Reception and Cultural reproduction: Filipino Elites and United States Tutelary Rule.* // *Journal of Historical Sociology* Vol.12 No.4 December 1999. P. 339-340

⁶ Ibid.

⁷ Левтонова Ю.О. Мабини - национальный герой Филиппин, М., Издательство восточной литературы. 1970.

⁸ Ю.О. Левтонова. *Современная элита Филиппин.* // *Элиты стран Востока.* М., 2011. С. 206-207

⁹ Julian Go. *Colonial Reception and Cultural reproduction: Filipino Elites and United States Tutelary Rule.* // *Journal of Historical Sociology* Vol.12 No.4 December 1999

¹⁰ Левтонова Ю.О.. *Современная элита Филиппин.* // *Элиты стран Востока.* М., 2011

- ¹¹¹¹ Reports of the Taft Philippine commission, 1900-1901, p. 106-108
- ¹² Glenn A. Social Engineering in the Philippines: The Aims and Execution of American Educational Policy, 1900-1913. 1976
- ¹³ Е.Г. Фролова. Развитие языковой ситуации и языковая политика на Филиппинах (XVI–XXI вв.). Рукопись. М., 2013. С.53
- ¹⁴ Seventh Annual Report of The Philippine Commission. 1906 In Three Parts. Part 3 Report Of The Director Of Education. Manila, P. I., August 10, 1906.
- ¹⁵ Report of the Philippine Commission to the Secretary of War 1913 (In One Part). P. 26
- ¹⁶ Report of the Philippine Commission to the Secretary of War 1910 (In One Part) // Report of the Governor-General. 1912. P. 26-27
- ¹⁷ Julian Go. Colonial Reception and Cultural reproduction: Filipino Elites and United States Tutelary Rule. P. 358
- ¹⁸ Рисаль Х. Избранное. // О праздности филиппинцев. М., Издательство восточной литературы, 1961.
- ¹⁹ Pedro T. Orata. Philippine education today, Paris. 1956
- ²⁰ Еще в 1903 г. филиппинский писатель Лопе К. Сантос призвал к введению в практику «единого филиппинского языка», который должен был стать повсеместно языком начального обучения филиппинцев. Однако вплоть до 1935 г. это предложение оставалось без внимания.
- ²¹ Е.Г.Фролова. С. 63-68 // Dokumentasyon, 2001 P. 1.
- ²² Там же. // Sibayan B., 1994. P. 223–224.